

АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

***

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. С. ПУШКИНА

БИБЛИОТЕКА
КЛАССИКОВ
УЗБЕКСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Т А Ш К Е Н Т

1 9 5 1

ГУЛЬХАНИ
ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УзССР

1 9 5 1

Перевод
М. А. Салье

Стихотворные тексты переведены
Л. М. Пеньковским, В. А. Липко и др.

ГУЛЬХАНИ

Полтора века отделяют нас от времени, когда жил узбекский писатель Мухаммед Шариф Гульхани, но произведения его сохранили свежесть и остроту и до сих пор. Жил Гульхани на рубеже XVIII и XIX столетий в Кокандском ханстве, которое занимало в основном нынешнюю Ферганскую долину Узбекской ССР. Литературное наследие Гульхани, дошедшее до нас, по своему объему очень невелико: оно составляет всего только одно, тематически законченное, прозаическое произведение „Рассказы о сове“ („Поговорки“) и несколько стихотворений. Однако по своему содержанию, художественным достоинствам творчество писателя занимает в узбекской дореволюционной литературе исключительное место и заслуживает самого глубокого внимания и изучения.

Основное, дошедшее до нас произведение Гульхани, „Рассказы о сове“, является едва ли не единственным образцом оригинальной узбекской

художественной прозы, если не считать всемирно известных записок Бабура „Бабур намэ“, достигающих местами по живости описаний подлинного художественного мастерства. Однако при всем том „Бабур намэ“ остается образцом мемуарной литературы. Что же касается „Рассказов о сове“ Гульхани, то это сюжетно законченное произведение, написанное по типу народных сказок. Оно вполне самобытно и не имеет почти ничего общего с распространенными в ту эпоху на Востоке и, в частности, в Средней Азии сборниками новелл „Тути намэ“ и „Чохар дервиш“ в переводе с фарсидского языка. Автор „Рассказов о сове“ только прибег к басенному приему, которым пользовались некоторые писатели, избравшие в качестве действующих лиц своих произведений животных. Достаточно вспомнить такие известные сочинения, как „Язык птиц“, поразившие воображение юного Алишера Навои, или уже упомянутое „Тути намэ“, в котором все рассказы ведутся от имени мудрого попугая.

Но в остальном произведение Гульхани вполне своеобразно и самобытно. „Рассказы о сове“ представляют собою острую сатиру. Вкладывая в уста действующих лиц своего произведения выразительные народные пословицы, присказки, остроумные поговорки, вводя в ткань повествования полные сарказма басни, скупое, но в то же время очень ярко рисуя в образах птиц феодаль-

ных владетелей и их прихлебателей, придворных и представителей мусульманского духовенства, Гульхани сумел в аллегорической, но весьма прозрачной и ясной форме раскрыть и разоблачить пороки правящей светской и духовной верхушки восточного деспотического государства, каким был Коканд в конце XVIII и в начале XIX веков. Как к Бухаре и Хиве, так и к Кокандскому ханству той эпохи целиком относится классическое определение Энгельса, характеризующее устройство и функции феодальной деспотии на Востоке. Такое государство имеет три функции: внешний грабеж (военное дело), внутренний грабеж (департамент финансов) и забота о воспроизводстве (департамент общественных работ, главным образом ирригационных).

Все эти функции государственной власти в Кокандском ханстве тяжелейшим образом отражались на народе и в первую очередь на его благосостоянии.

Постоянные военные авантюры кокандского хана, предпринимавшиеся с целью „внешнего грабежа“, наряду с непрерывными кровавыми усобицами между отдельными феодалами, приводили к разорению городов и кишлаков. К тому же малейшим ослаблением ханства пользовались кочевники, жившие в горах на окраине Ферганской долины, и предпринимавшие частые набеги на оседлых земледельцев.

Вся деятельность „департамента финансов“ (по определению Энгельса) в Кокандском ханстве сводилась к внутреннему грабежу, потому что, пополняя свою казну за счет огромных налогов и поборов, кокандский хан ни гроша не тратил ни на народное образование, ни на народное здравоохранение, ни на культурно-бытовые нужды населения. Достаточно напомнить, что до последнего момента существования ханства в нем не было даже обыкновенной почты. В выколачивании же налогов правящая кокандская верхушка достигла виртуозного умения. Содержался огромный аппарат чиновников, сборщиков налогов, писцов, обмерщиков земли, вытягивавших из земледельцев бесчисленные налоги, поборы, повинности. Если же добавить феодальную издольщину, широко распространенную в ханстве, по которой дехканину-издольщику приходилось платить баю-землевладельцу за землю, за поливную воду, за семена, за рабочий скот, за сельскохозяйственные орудия, то в конечном результате от урожая на долю сельского труженика в самом благоприятном случае оставалось не больше одной десятой части. Не надо забывать, что и от этого остатка урожая надо было еще воздавать мзду духовенству. Дехканин в Кокандском ханстве был подлинно на положении ограбленного, причем, в первую очередь, роль грабителя играл „департамент финансов“. Ни благодатный климат, ни необычайное плодородие земли, ни огромное трудо-

любие не спасали узбекский народ в те времена от голодного, нищенского существования.

Наконец, последний „департамент общественных работ“ в Кокандском ханстве только на первый взгляд существовал и действовал на благо народа. Оросительные работы, прокладка новых каналов превращались для дехкан в тяжелый, изнурительный, принудительный, в полном смысле этого слова, труд. На рытье каналов, начатых по указанию ханов и феодальных владетелей, тысячи людей погибали от повальных болезней, от истощения, от голода. Насильно оторванные от сельскохозяйственных работ узбекские крестьяне оставались без урожая, окончательно разорялись, зачастую обрекались вместе с семьями на голодную смерть. В конечном же итоге вновь орошаемые земли (когда удавалось довести строительные работы до конца), попадали в руки тем же феодалам-землевладельцам.

Трудящиеся города и в первую очередь ремесленники находились в Кокандском ханстве в не менее бедственном положении. В массе они попадали в безысходную кабалу к ростовщикам и тем же феодалам.

Паразитический государственный аппарат, паразитирующие на теле народа феодальные владетели довели богатую природными ресурсами страну до предельной степени разорения и упадка. Повсеместно в ханстве хозяйничали дикие, невежественные феодалы, царил неограниченный про-

извол в отношении жизни, личного достоинства и имущества человека из народа. Повсеместно существовало рабство в самых гнусных, неприкрытых формах.

Страшным, могущественным орудием феодального господства в среднеазиатских ханствах, в том числе в Коканде, являлась исламская религия, освящавшая власть феодалов и ханов, прикрывавшая молитвой разнузданный грабеж, кровавые насилия, ограбление трудящихся, подавлявшая силой своего авторитета малейшие попытки протеста со стороны трудящихся. Высшие духовные лица, по существу, превратились также в феодалов, так как в руках их были сосредоточены огромные земельные владения в сельских районах и целые кварталы, торговые и жилые, в городах. Духовенство эксплуатировало трудящихся столь же нещадно, как и князья-феодалы и ханская клика.

Кровавый деспотический режим, существовавший в Кокандском ханстве, приводил к небывалому обострению классовой борьбы, вызывал частые крестьянские восстания. Такие же народные движения возникали и в Бухаре, и в Зеравшанской долине, и в Хорезме. Они особенно усилились в начале XIX века, отражая антифеодальные, демократические чаяния дехканства и ремесленников.

Передовые умы того времени не могли не видеть бедственного положения трудящихся. Мухам-

мед Шариф Гульхани принадлежал к лучшим передовым людям той эпохи. Сам он вышел из среды городского плебейства. По сохранившимся данным, в молодости он работал простым истопником в городской бане, а затем попал в сарбазы (солдаты). Всю жизнь Гульхани терпел жестокую нужду. Но богатырское телосложение и завидное здоровье помогали ему переносить самые тягчайшие лишения. Человек из народа, сам Гульхани всю жизнь жил интересами народа. И это полностью отразилось на его творчестве как писателя.

Несомненный талант, огромный опыт, умение сурово и критически подходить к жизненным явлениям помогли Гульхани войти в литературу. Но это была совсем не та официальная лакированная литература, которая культивировалась в ту эпоху правящими классами Кокандского ханства. Творчество Гульхани стоит в стороне от извращенной, вычурной поэзии, созданной придворной кликой поэтов-одописцев, подхалимски воспевавших ханов и феодалов.

Мрачный режим, царивший в то время в Кокандском ханстве под эгидой Умархана и его предшественников и преемников, наложил гнетущий отпечаток и на всю культурную жизнь. Мысль, мировоззрение были скованы схоластикой ислама. Сам хан направлял литературу по желательному для него руслу. Золотом, подачками, разнузданными пиршествами он покупал лесть, низкопо-

клонство, подлое пресмыкание многих даровитых и даже талантливых поэтов, заставляя их за красивый халат, за блюдо плова, за горсть монет сочинять пышные славословия в свою честь, прославлять ханский престол, величие своего царствования и истребительные завоевательные походы, превращавшиеся в братоубийственную резню. Наиболее талантливые поэты, сохранявшие чувство человеческого достоинства, но не отличавшиеся смелостью и прямоотой, свойственными таким людям как Махмур, искали спасения в изысканной по языку, но совершенно оторванной от жизни лирике. Бесчисленное количество блестящих по форме, нищенских по содержанию стихов было сочинено при Кокандском дворе такими придворными поэтами, как Афсус, Фазли, Гази, Хаджолат и многими другими, пользовавшимися милостями от ханского стола.

Гульхани по своему творчеству не имеет ничего общего с придворной поэзией. Живая, доступная даже неграмотному человеку, басенная форма повествования, занимательность сюжета, умелое использование широко распространенных в толще народа пословиц, поговорок, простота языка сделали произведения Гульхани очень популярными в народе. Их переписывали и широко распространяли.

Гульхани отлично видел истинное положение родной страны, жестокую эксплуатацию трудящихся. Не случайно „Рассказы о сове“ начинают

ся словами: „В былые злосчастные дни“. Гульхани пишет, что Фергана и Мианкаль (Зеравшанская долина) были покрыты развалинами старинных городов и крепостей, в руинах которых гнездились только совы и филины. Один из героев произведения говорит: „Когда я посетил Бухарские края, я в каждом тумане (области) нашел тысячи развалин“. В „Рассказах о сове“ указываются совершенно конкретно населенные пункты, разоренные и разрушенные, и среди них такие крупные, как Ургут, Шахристан, Ганчи, Бекабад и многие другие. Какая яркая и полная картина последствий разнузданного хозяйничанья феодалов!

О виновниках бедственного положения народа—жадных феодалах-хищниках Гульхани пишет: „перепелятник хоть и хищник, но сил его хватает только на перепелку“. К числу их относятся и феодалы, представленные в образах филина Бай-оглы и совы Япалак-биби. Владения их пришли в упадок в результате постоянных усобиц, замки их разрушены. За свою дочь Бай-оглы требует огромный калым в размере... тысячи развалин. Сова Япалак-биби — обнищавшая владетельница — полна высокомерия и самомнения. Она именует своего сына султаном, подражая царям птиц, в то время как он кормит гостя обедками, да и сам из них „захватил такой кусок, что сразу же стало видно донышко блюда“. Положение

совы, Япалак-биби, этой полной самомнения владельницы, определяется одним из действующих лиц: „Слава города Намангана большая, а скатерть пустая“. В другом месте подчеркивается, что в доме Япалак-биби не осталось ни крошки муки.

С убийственным сарказмом рисует Гульхани образ феодала Бай-оглы, который, „сидя в развалинах Кайкобада, вообразил себя самым царем Кайкобада“. В то же время про этого Бай-оглы говорят: „Еще неизвестно, есть ли в доме у Бай-оглы что-нибудь кроме мышиных костей“. Он хоть и кичится тем, что его прадед вел споры с самим Соломоном, но вынужден сам разводить огонь в очаге, подметать комнату и т. д. Мелочный, жадный Бай-оглы ведет бесконечную крохоборческую торговлю из-за размера калыма за свою дочь. Он смотрит на родное дитя как на предмет торговли, он груб и высокомерен, но в то же время „жаден как бакалейщик Абдурахим-ростовщик“.

Образы других феодалов в произведениях Гульхани сделаны столь же яркими мазками. Представители кокандской знати внешне прикидываются правоверными мусульманами, ревнителями чистоты религии, подавляют малейшее проявление вольнодумства, но это не мешает всем этим ханжам и фарисеям на пирах напиваться допьяна вином, запрещенным кораном.

Гульхани, ограниченный в своих представлениях, с горечью мечтает о том, чтобы при дворах правителей, наконец, появились бы мудрые советники, беспокоящиеся о делах государства, грамотные, и в то же время владеющие оружием, умеющие защитить, оградить народ от разорения—гибели. Бедствием для страны является, по мнению Гульхани, то, что на самом деле властителей окружают „обжоры и рвачи“. Гульхани пишет: „Жрать они готовы, а дать совет ума нехватает. Подобны они злым псам. От таких вельмож полезного мало, а позора много. Ждать от таких людей благородства, как от верб абрикосов“. Меткими определениями Гульхани рисует образ придворного Шуранкула: „...махровый цветок в глазах птиц, плут и разбойник, прожженный в делах, вороватый, как кошка, мошенник, бесстыдный скупердяй, готовый лететь на всякую мертвечину, мастер делить добычу: пять частей он давал тому, кто имел право на двадцать, а пятнадцать прикармливал“.

А вот еще один вельможа—Кардан. Пронырливый, хитрый, он не брезгует никакими средствами, чтобы добиться цели. Основное правило его: „ласковое дитя двух мамок сосет“. Он откровенно заявляет: „Кто хочет подладиться к хозяину, бросает кость его собаке“. Трусливый в разговорах с сильными мира сего, он ведет себя нагло, нахально с теми, кто помельче и послабее. Во время спора он

не церемонясь, хватает за горло Бай-оглы и ставит его на колени.

Столь же беспощаден Гульхани и к столпам мусульманской религии. Он изображает духовных лиц невежественными, тупыми и жадными. Характеристики Гульхани метки и убийственны.

„Суфий, — пишет он, — глуп, как баран. Верное слово для него ложь. Днем и ночью у него в руках четки, его молитва — вздорная болтовня“.

Рядом с суфием — высокопоставленный богослов — почтенный сеид. Он „в делах истины преграда, к обидам и мучениям он ближе всех, по хитрости и коварству — хуже сатаны, в злодействах сильнее Хамана.¹ Он — неблагородный, бесстыдный ...“ Муфтия — высшее духовное лицо Коканда, который „постоянно давал советы еще более глупым и бестолковым людям, чем он сам“, — Гульхани сравнивает с некими Каджем и Фаджем — Кривым и Дурным, хорошо известными всем кокандцам ворами и плутами, прославившимися хитростью, коварством, ложью. Писатель дальше прямо подчеркивает, что муфтий подобен Каджу и Фаджу, что он невежда, что, переписывая бумаги, он все перевирает, что он глуп, чванлив, высокомерен. И такой муфтий „считает себя умнее всякого мудреца“.

Столь же презрительно отзывается Гульхани о раисе — блюстителе морали и нравственности в

---

¹ Везирь Хаман — известный на Востоке чудовищной жестокостью.

мусульманском городе, а о средоточии мусульманской богословской науки — медресе — писатель говорит, что там учащиеся „лизут пыль“.

Все симпатии, все сочувствие Гульхани на стороне народа. Когда он говорит о народе, он оставляет в стороне всякие аллегории:

„Забота богачей слонок веков—
Все соки выжимать из бедняков“.

Безысходность, беспросветная участь трудящегося в ханстве рисуется в басне „О верблюжонке“. Верблюдица, обращаясь к своему верблюжонку, с горечью говорит:

„ Я не сама иду,—меня ведет
Всесильная хозяйская рука.
Еще не знаешь ты, что я раба
И ждет тебя такая же судьба“.

Тепло пишет Гульхани о людях из народа. Резко противопоставляет он их ум, природное благородство, честность продажности и подлости представителей феодальной верхушки. Раб Турумтай, доставшийся одному вельможе в наследство от отца, характеризуется, например, так: „...спутник в пути, помощник в беде. Все его повадки хороши и все дела его были прекрасны и разумны. ...Когда подходил момент сказать слово — себя не обуздывал и прямо в лицо говорил правду“. Турумтай во всех своих делах мудр, прозорлив.

Большим мужеством должен был обладать писатель в ту эпоху, чтобы сочувственно говорить о народе и в то же время разоблачать пороки господ—беков, ханов, муфтиев. Трагическая участь, постигшая поэта Хазика, осуждавшего в своих стихах жестокость эмира, и поэта Муджрима Абида, симпатизировавшего в своих стихах простому народу, отлично была известна Гульхани. Он конечно был свидетелем того, как беспощадно расправлялись по приказу хана со всеми вольнодумцами. Но это не останавливало Гульхани, когда он создавал свою сатиру на феодалов.

Характерной особенностью „Рассказов о сове“ Гульхани является то, что они построены на действительных событиях и фактах и связаны с конкретной обстановкой и людьми. Но многое автор вынужен был завуалировать, подлинные имена многих действующих лиц, особенно из знати, скрыть под ироническими и подчас едкими кличками, вроде бай-оглы—филин—птица, приносящая несчастья, сова, сыч, ворон, кобчик и т. д. Смелее пишет Гульхани, когда речь заходит о торгашах, муфтиях, ростовщиках и проч. Здесь он называет многих из них по именам. К сожалению, произведения Гульхани еще очень мало изучены. Многие лица и факты, упоминаемые в „Рассказах о сове“, остаются неизвестными, и поэтому сатира Гульхани частично теряет свою остроту. Наследие писателя ждет еще своего исследователя, кото-

рый тщательно проанализировал бы и прокомментировал его.

Но и в том виде, в каком сейчас Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина публикует произведение Гульхани, оно представит несомненный интерес. Прочитав настоящую книгу, русский советский читатель познакомится с единственным в своем роде образцом сатирической прозы узбекского народа. „Рассказы о сове“ показывают, что в лице писателя-плебея Гульхани феодальная верхушка Кокандского ханства имела страшного, непримиримого врага, страстного и неподкупного обличителя, стоявшего за простой народ, шедшего всю жизнь с простым народом.

Гульхани был подлинным сыном своей эпохи. Несмотря на великолепное знание среды и окружающей жизни, он не сумел в своих произведениях подняться до широких обобщений и правильных социальных выводов. Он нигде не осуждает ханскую власть вообще, он клеймит только плохих ханов и феодальных властителей. Разоблачая гнусные нравы духовенства, писатель нигде не проявляет себя безбожником. Он далек от того, чтобы активно вмешиваться даже своим словом в жизнь и как-то попытаться изменить бедственное положение трудового люда. Он не сумел в своих „Рассказах о сове“ создать образа народного борца против деспота-хана или паразита-феодала, хотя та эпоха выдвинула немало замечательных вожаков народных восстаний.

Заслуга Гульхани состоит в том, что он сумел высмеять правящие классы феодального общества XVIII—XIX столетий. Вместе с талантливым узбекским поэтом-сатириком Махмуром Гульхани помогает разрушить созданную буржуазно-националистическими историками и литературоведами в корне неправильную, нелепую легенду о каком-то мифическом „золотом веке“ процветания, хозяйственного и культурного подъема Кокандского ханства при хане Умархане и его предшественниках и преемниках.

В этом мы видим одно из несомненных достоинств литературного наследия писателя Мухаммеда Шарифа Гульхани, произведения которого прочно вошли в сокровищницу узбекской классической литературы.

РАССКАЗЫ О СОВЕ

Рассказывают, что в былые злосчастные дни в области Фергана высились развалины старинного города времен царства Кайкобада. Там поселился некий филин Бай-оглы. Воздух тех мест был весьма приятен, особенно весной, когда от изобилия трав и цветов руины начинали сверкать и переливаться подобно распущенному хвосту павлина. А неподалеку, на расстоянии одного ягача, находилось обиталище совы Япалак-биби, унаследованное ею от отцов и дедов.

У Бай-оглы была дочь—столь прекрасная, что само восходящее светило меркло перед блеском ее лица.

Её лицо прекрасней и солнца и луны,
Пред ней и мёд и сахар—все сласти смущены.

Дочь филина степного смутила всю страну,
Красавицу степную зовут Гунаш-бану.

Как солнце, озаряющее мир, та девица заставляла зеленые плоды сразу же созревать, и ни одно живое существо не могло выдержать сияния ее лица, так что она вынуждена была от всех закрываться.

Когда же в Гунаш-бану стали заметны признаки зрелости: прорезался зуб мудрости, в глазах появилось томное выражение и звонче стал голос,—начала она перечить своей матери и на правильные ее наставления отвечать непочтительно. И мать ее огорчилась и сказала:

„О, дочь моя,—сердце твое, видно, рвется к возлюбленному. Не торопись: поспешит девушка замуж—не возрадуется“.

И дочь, обращаясь к матери, возразила:

„О, матушка, вы наказываете мне ждать и терпеть, но, конечно, и отец того молодца, что возьмет меня в жены, тоже наверно говорит ему сейчас: „Не спеша, была бы голова, а шапка найдется“.

Когда они так разговаривали, в тот самый день сова Япалак-биби поманила к себе сыча, отвела его в сторону и сказала:

„Так повелось: ни молодым, ни старым
На свете невозможно жить без пары“.

Наш сын, отрада очей наших, достиг зрелости. Мы подумали: пора посоветоваться и устроить его жизнь. Говорят, у Бай-оглы есть красавица-дочь.

Пойди к нему от нас сватом: „Какой ни запросит калым, мы согласны“.

Отвечал сын:

„Добрые люди говорят: „Когда похваляется богатый—его слушают, когда же похваляется неимущий—его бьют“. Бай-оглы едва рот откроет, скажет: „Калым за мою дочь—тысяча развалин“. А теперь ни одной свободной развалины не найти, и будет нам стыдно. Говорят ведь: „Лживое слово не живет“, „Стыд хуже смерти“. И еще сказано „Палка скорее сломается, нежели согнется, молодец скорее умрет, нежели опозорится“.

И говорит тогда сова:

„Я вас считала за человека умного и понимающего, а вы, оказывается, не знаете, что „медная труба сделана из меди“, что „слепой увиденного из рук не выпустит, глухой слышанного не забудет“.

„Я не утопаю в пучине желания быть сватом,—ответил ей сын. Ведь сказано: „Когда вода затопляет степь, то гусю и горя мало“; „Скажешь слово глухому, оно мимо ушей пройдет“.

Сова говорит:

„Есть старинная пословица: „Когда дело того заслуживает, хороший человек за него берется“. А еще говорят: „Когда больной выздоравливает, лекарь сам без зова приходит“.

„Не будь устами, а будь ногами“—возразил ей сын. Разве ты не слышала: „Ноги бегут за пищей, а язык бежит за бедой“. Кто ты, чтобы посылать

к Бай-оглы свата? Не знаешь разве пословицы:
„Ровня водится с ровней“.

А сова запротестовала:

„Чем же мы хуже его?“.

„Не хвались тем, что имеешь—отвечал сын, ведь говорят: „Тот, кто сам себя хвалит—накликает себе смерть“. Твое положение всему миру известно. Разве луну подолом закроешь. „Как воробья ни корми, а он весом с батман не станет“; „Хорек хоть и зубаст, да не лев“; „Перепелятник—хоть и хищник, но силы его хватает только на перепелку“.

Сова и говорит:

„Так значит ты считаешь нас бедными и убогими? Ты, видно, не знаешь пословицы: „Как соринка ни мала, а глазу боль причиняет“. Ступай! Чем мне зубы заговаривать, ты с Бай-оглы поговори“!

„О, сова,—возразил сын,—коли так, то открой мне имя твоего сына, которого ты метишь в зятя Бай-оглы“.

И сова отвечала:

„Имя моего сына—Куланкир-султан“.

„Я никогда не видел таких беспонятных и неразумных людей“—воскликнул сын. „Если назвал козла Абдукаримом, так объясни почему“. В старину поэтому говаривали: „Будь жертвой того, кто ладно говорит“. Подобало ли тебе нарекать сына Куланкир-султаном? Такое имя подстать птице счастья—хумаюну или кречету, или соколу, или орлу или другим царям птиц“.

От мудрецов древности осталось изречение: „Хорошее намерение—половина богатства“ — молвила сова.—Все равно, разве доблесть моего сына не видна по его когтям и клюву?

Правильно говоришь,—сказал сыч.—У ягненка, который станет бойцовым бараном, лоб выпуклый, у мальчика, который станет настоящим мужчиной, лоб широкий. Ты, видно, считаешь пельмени еще сырыми. Но верь пословице: „Отец с мухой не сладит, а сын кабана одолеет“. Сколько ни говори слово „халва“, а во рту от того сладко не станет.

Высокий в жизни пост заняв, хвалиться не спеши.
Сперва высокие дела для мира соверши.

Своими словами уподобляешь ты себя тому журавлю, который возомнил себя соколом и, погнавшись за рябчиками, увяз в болоте. Так будет наказан всякий, кто возьмется не за свое дело. Подробно сказано об этом в поэме Джами „Златая цепь“. В народе говорят: „Знай свое место“. „Слава города Намангана большая, а скатерть—пустая“. „В доме—ни крошки муки, а на дворе—две печки для лепешек“. „Мыши и самой в норе тесно, а она всё еще что-то к себе тянет“.—Все это про тебя сказано.

Сова тут молвила:

„О слепец, довольно! Ты тут болтаешь про зазнавшегося журавля, который погиб, завязнув в болоте. Я слышала рассказ про зрячего и слепо-

го: как зрячий не послушался слепого и от стыда дал себя ужалить змее и погиб. Если я стану тебе все рассказывать, наше благое дело задержится. Хочешь узнать подробности—найдешь в баснях „Калила и Димна“.

„О, нетерпеливая,—сказал сын,—потерпи пока соберешься с силами и тогда будет хорошо. Добрые люди так говорят про терпение:

Терпенье распахнет любую дверь.
Терпи и в цель поставленную верь.
Бесплодные пески, солончаки
Терпенье превращает в цветники.

Терпенье нас от всякой лечит боли.
Оделись розами кусты, что нас кололи.
Терпенье силу нам дает в степи.
Усталость, боль, обиду—все терпи!

А еще говорят:

Кто терпелив, тому и самый кислый плод
Даёт не кислоту, даёт сладчайший мёд.
А кто нетерпелив, достигнет тем скорей
Не цели избранной, а гибели своей“.

„Увы,—сказала сова,—терпеть в беде, быть довольной судьбой—иного средства у меня нет. Но от терпения—одна печаль и горе. Терпеливо ждать и упустить хорошее дело—не годится“.

И сыч возразил: „Плохому—смерть!“ Разве тот, кто посылает кого-либо ради правильного дела, таков, как ты, сова? Не слыхала разве ты что ли слов мудрых: „Ласково заговоришь, и змея из норы выйдет“. А я с твоим неразумным поручением не пойду. У таджиков есть поговорка: „Будешь не по силам напрягаться, хребет сломаешь“.

„О, сыч,—сказала сова,—ты видно хочешь препятствовать хорошему замыслу. От тебя так и несет холодной завистью“.

„Я холодной зависти не родич,—сказал сыч,—известна мне поговорка: „У обманщика в котле варево не сварится, а если и сварится, то не загустеет“. Если хочешь и впредь обращаться ко мне за советом, то помни, что от древних праведников осталось мудрое поучение: „Сделай добро и брось в воду: вода не узнает—рыба узнает, рыба не узнает—творец узнает“. Пойду-ка я сначала к Куланкир-султану, полюбуюсь его красотой, послушаю его умные речи, а потом быть может и отправлюсь к Бай-оглы сватом“.

И сыч отправился к Куланкир-султану. Пройдя путь в полфарсаха, он встретил удода. После взаимных приветствий удода спросил: „Из какого высокого гнезда совершаете вы полёт?“

И сыч молвил: всем известен уровень нашего полета.

„О, слепец,—сказал удода,—я не разбираюсь в загадках. Если есть у тебя искреннее слово—ска-

жи. Объясни мне, что скрыто у тебя в сердце“.

„Я сват совы Япалак-биби,—сказал сын. Я направляюсь сватать дочь Бай-оглы“.

„Теперь я вижу как мало ума у Япалак-биби!—воскликнул удод.—Видимо она стыдится своей породы сов и вздумала поэтому послать тебя. Всем известно и ведомо, что ты не из тех краснобаев, которые умеют выведать даже и у бессловесного козла все, что им нужно. Смотри, не опозорься подобно той обезьяне, что взялась за непосильное для нее дело плотника“.

Расскажи же про обезьяну,—попросил сын, и удод сказал:

„Гора в Кашмире, говорят, была—
От зависти к ней рай сгорел дотла.

Кедровый лес на ней стоял густой—
Стволы—в двенадцать сажен высотой!

Текли там воды чистые везде,
Цвели цветы душистые везде.

Куст розы был там высотой с дом—
И обезьяне он служил жильём.

А в городе подгорном плотник жил—
Весьма умелый он работник был.

Забота богачей спокон веков—
Все соки выжимать из бедняков.

А плотничья забота—всё одна:
Им древесина прочная нужна.

Плен городской покинув, мастер тот
Рубить деревья на гору идет.

Вот нахлобучил плотник свой тельпак,
Топор с теслом заткнул он за кушак,

Пилу подмышку взял—и в путь пошел.
Пришел—и выбрал кедра добрый ствол,

Свалил его и, пот со лба стерев,
Отправился искать других дерев.

Свалив еще могучий кедр один,
Он надколол его и вставил клин,

Хотел помочь теслом, но—как на зло—
На прежнем месте он забыл тесло.

Идет он за теслом. А в этот час
Та обезьяна, не спуская глаз,

Следила из укрытья своего
За плотницким занятием его.

Подумала: „Не так уж тяжело
И мне усвоить это ремесло.

Ведь у людей считается стыдом
Не овладеть полезным ремеслом.

А плотницкое дело им дает,
Я слышала, порядочный доход.

Да, плотником я сделаться хочу
И всех детей тому же научу“.

Как плотник, сев на дерево верхом,
Она вооружилась топором—

И дальше ствол раскалывать взялась.
Работой обезьяна увлеклась,

И так была довольна, весела...
Вдруг—хвост её попал в расщеп ствола!

Беда, беда! Как хвостик ни тяни—
Ей вырваться нельзя из западни.

И то случилось с обезьяной тут,
О чем в стихах рассказов не ведут.

Знай же, что обезьяна попала в руки плотника, и он с утра до вечера бил ее палкой и заставлял танцевать всем на потеху. И попала обезьяна в беду. Так и тебе советую—не ходи ради дела, которого не сможешь выполнить! А то не избавишься ты тогда от насмешек и останется о тебе дурная слава“.

И сказал сын:

„Я и сам понимаю, что не подобало мне взваливать на себя поручение совы, но судьба лучше знает, что случится.

Как ни старался маленький верблюд,
Но караван догнать никак не мог.

По счастью для него, бедняжку мать
Заставил возчик на колени стать,
Чтоб у нее поправить на спине
В дороге набок сбившуюся кладь.

Тут верблюжонок, что рысцей трусил,
Догнал ее и жалобно спросил:
„Зачем спешишь, бессовестная мать?
Ты видишь, я совсем лишился сил.

Ваш караван ушел так далеко,
Что мне догнать вас было нелегко.
С тобою рядом я хочу итти,
Чтобы сосать в дороге молоко!“

Смотрела мать на милого сына.
Из глаз ее струилась слез река —
„Я не сама иду,—меня ведет
Всесильная хозяйская рука.

Еще не знаешь ты, что я—раба
И ждет тебя такая же судьба.
Да будь пылинка воли у меня,
Я б эту ношу сбросила с горба!“

И еще есть у древних добрых людей поговорка:
„Трубачу только и дела, что дуть“.

Тут удод сказал: „Верить слову верного—свое-
ство людей добрых.“ А ты тоже—не подгребай все
колосья только к своему току и не махай топором
только в свою сторону. Будь подобен пиле: гово-
ри, как подобает, в обе стороны.

Удод попрощался и ушел.

А сыч направился к Куланкир-султану и вско-
ре добрался до его дворца. Он увидел дивные,
величественные чертоги, о которых не сумеет
рассказать и многоязыкая лилия, и красоты ко-
торых не смогут выразить никакие описания.

И сыч увидел величественное сооружение, но
напуганный громкими криками стражей—„Эй! Эй!
Поглядывай!“—не решился войти во дворец и сел
у ворот! При Куланкир-султানে находился один
раб по имени Куйкун. Взгляд Куланкир-султана
упал на скромно сидевшего сына, и он приказал
Куйкуну:

„Сходи и узнай, что там за птица сидит на
пороге: в нужде ли она, в беде ли, голая ли, го-
лодная ли? Если она достойна щедрот наших, при-
веди ее к нам“.

Тогда Куйкун направился к сычу и, приблизив-
шись к нему, сказал:

„Эй, дедушка, из какого вы высокого гнезда
прилетели?“

Сыча обидел высокомерный тон Куйкуна, и он
промолвил:

„О сынок, чем тебе вопрошать так, а мне от-
вечать так, лучше бы нам обоим сгинуть в бездне“.

„Есть поговорка, — сказал Куйкун, — „Добрый человек скажет—обласкает, злой человек скажет— укусит“. Что же ты считаешь меня ничтожеством среди столпов государства? Как говорится: „Не считайте нас маленькими — может быть мы еще поднимемся и покажем себя“. И есть еще пословица: „При удобном случае и раб может изловить и гуся и утку“. „Если себя самого считаешь смелым мужем, то любого другого считай львом“.

Поняв, что Куйкун слишком высоко себя ставит, сыч сказал ему:

„О сынок, ты уподобляешься дочери, которая смеет учить мать, или сыну, который начинает поучать отца. Есть древняя поговорка: „Пока корова пьет воду, теленок лижет лед“.¹ Я, ведь, гость и тебе следовало бы относиться ко мне по-чтительно“.

Тут Куланкир-султан понял, что Куйкун досаждает гостю и, мегнув на раба суровый взгляд, поманил сыча, встал с места, посадил его рядом с собой и сказал:

„Добро пожаловать, отец, извините!“

Тут сыч заговорил и сказал:

„Сколько бы ни было во дворце вельмож и ученых, мудрецов и разумных людей, их всегда будет мало. Особенно трудно правителю обойтись без трех людсй. Из них первый—это обладающий знаниями—мудрец, который указывал бы

---

¹ То есть он жвет, пока его мать напьется, и потом уже пьет сам.

правильный путь; второй — везирь, обладающий верным мнением, который беспокоился бы о делах и нуждах государства, и третий — писец грамотный, к тому же осмотрительный и владеющий мечом. А те, что сейчас стоят вокруг тебя, — все они обжоры и рвачи, жрать они всегда готовы, а дать совет — ума не хватает. От древних мудрецов осталась поговорка: „Если человека покормишь — спасибо скажет, а если собаку покормишь — в ногу вцепится“. И еще: „С добрыми людьми пойдешь — желанного достигнешь, со злыми пойдешь — сраму наберешься“. Или еще: „К дурному пойдешь — беда пристанет, к котлу подойдешь — сажа пристанет“... Мы хоть баранов и не видели но помет бараний видели... От таких как у тебя вельмож полезного мало, а позора — много. Ждать от этих людей благородства все равно, что ждать от вербы абрикосов. Подобного никогда не бывает“.

Слова сыча подействовали на Куланкир-султана, как свежий утренний ветерок, и наставления оставили глубокий след в его сердце.

У Куланкир-султана осталось кушанье от прежних гостей. Он поставил блюдо перед сычом и сказал:

„Когда мало пищи, кушать не помогают“. Скажите: „Еды мало, да на душе спокойно“ — и кушайте.

Сыч отвечал:

„Скупа твоя подачка, шах. Мне не нужна она. Огня истратил много ты, а пища не вкусна“.

На это Куланкир-султан сказал:

„Благородный гость не станет угощение хулить. Разостлал хозяин скатерть—значит, нужно есть и пить.

„Пищи мало, да сердце чисто“. Кушайте, пожалуйста“

„Кушать вкусно в обществе хозяина“—возразил сыч.

„Ладно, на пир и мертвая голова прикатится“, — проговорил Куланкир-султан, и, протянув руку, захватил такой кусок, что сразу же стало видно доньшко блюда.

Сыч, как ни старался, не нашел на блюде ни крошки пищи и сказал:

„В какой то священной книге написано: „Ешьте, пейте, но не предавайтесь излишествам“. Что это у вас за манера есть пищу?“

„Излишества у нас не в обычае, — возразил Куланкир-султан.— А ел я, думая о том, что так или иначе придется отвечать на страшном суде. Чем брать от жизни немного и отчитываться на том свете во многом, лучше взять от жизни все, что можно и отчитаться там сразу за все. Вставай же и не мешкай с добрым делом“.

Так отвечал Куланкир-султан, и сыч поднялся с места и направился к филину Бай-оглы и пришел к его жилищу. И достиг он желаемого, и стрела чаяний попала в мишень просьбы. Узнав спустя некоторое время о приходе сына, Бай-оглы вышел к нему навстречу и, сказав: „Добро пожаловать! Я к вашим услугам!“, почтительно поздоровался с сычом. Оба дружески облобызались.

Бай-оглы усадил сына в своем гнезде и поставил перед ним угощение. Прежде, чем произнести хоть слово, сыч накинулся на пищу.

Тогда Бай-оглы молвил:

„Разговаривать во время угощения — добрый обычай, молчать за едой подобно животным не свойственно благородным существам“.

„Говорить мне неизбежно придется, — отвечал сыч, — но у древних мудрецов была поговорка: „Сначала еда, потом — разговор“. Но „раз пришел за водой, не прячь за спиной ведро“. Мы узнали, что в вашей созвездии сияет в лучах счастья нежно взлелеянная ваша дочь луноликая Гунаш-бану. Признав ее достойной невестой для Куланкир-султана, сына совы Япалак-биби, прибыл я к вам сватом. Дайте доброжелательный ответ, я выслушаю его и отправлюсь во-свояси“.

„Верно, — отвечал Бай-оглы, — дитя мое достигло брачного возраста. Я спрошу ее самое и дам вам ответ“.

Филин поднялся и вышел к дочери и сказал:

„О, дитя мое, тебя полюбил Куланкир-султан,

сын Япалак-биби, и прислал ко мне свата. Какой ты дашь ответ?”.

Тут Гунаш-бану, как в обычае и в наше время у воспитанных девиц, поникла головой, словно говоря: „Молчание—знак согласия“. Решив, что Гунаш-бану дает согласие, Бай-оглы сказал:

„Дочь моя, поистине, мечтает о замужестве“.

Тут Гунаш-бану раскрыла уста и сказала:

„О, беспонятный старик, постыдитесь своей седой бороды! Разве молчание так нужно понимать? Разве таковы речи того, кто говорит ради доброго дела?“.

„Осталась бы ты без головы!—воскликнул Бай-оглы.—Разве ты не знаешь, что девушка, сидящая всегда дома, скорее мужа найдет?“.

Тут Гунаш-бану молвила: „Торговать с утра—в десять раз прибыльнее; посеешь поздно—потеряешь“. А еще говорят: „Дело с утра на вечер не откладывают“.

Бай-оглы понял, что „судьбу не прикроешь рукавом ухищрений“ и, встав с места, вышел к сычу.

И сыч спросил:

„Ты волк или лисица?“.

Бай-оглы ответил:

„На сей раз—идите; еще раз придете,—ответ получите. У древних мудрецов была пословица:

„От одного коня пыль не поднимется, а если пыль и поднимется, славы все равно не будет“. И еще говорят: „Захочешь купить лошадь, посоветуйся с домашними“. Я тоже соберу своих братьев и родичей, посоветуюсь с ними и дам вам ответ, что они скажут“.

„В добром деле советоваться долго не надо“ — возразил сын.—Поэт Хафиз-Ширази сказал об этом: „В добром деле советоваться нет никакой нужды“.

„Воля моей дочери—в ее руках“,—ответил Бай-оглы.

„Если так,—сказал сын,—дайте мне хороший ответ, а я выслушаю его и направлюсь домой“.

„Разве я могу ответить не посоветовавшись?“ — возразил Бай-оглы.

Знай, что в каждом новом деле нужен масте-
ра совет.

А коль нет совета в деле и от дела пользы нет“.

„Да,—сказал сын,—совет—прекрасная вещь. Всегда нужно поступать мудро. Если человек слеп и не видит источника мудрости, его вредность известна. Кто рыгает, хоть голоден, и делает все свои дела языком, тот считает себя богатырем. Он ест, пока можно поест даром, в брюхе у него пусто, глаза выпучены, среди невежд он мудрец, среди мудрецов—нем, как рисунок на стене. Не советуйся, о, Бай-оглы, с нич-

тожными людьми и не оставляй нас на полпути“.

„Я не так глуп, как тот невежда, чья пронизательность хромает на обе ноги, а ест он, словно верблюд, одни колючки и репей, но болтает чрезмерно и из одного слова делает тысячу“,—ответил Бай-оглы.—Сказано: „Посоветуйся со многими, а делай по-своему“.

Когда сыч услышал добрую весть, сердце его развеселилось. Он отправился к Япалак-биби и рассказал ей, что у Бай-оглы есть склонность к благому делу.

А у Япалак-биби был друг ворон, по имени Шурануль—махровый цветок в глазах птиц, плут и разбойник, прожженный в делах, вороватый как кошка, мошенник, бесстыдный скупердяй, готовый лететь на всякую мертвечину, мастер делить добычу: пять частей он давал тому, кто имел право на двадцать, а пятнадцать прикармливал.

В те времена власть в птичьем царстве принадлежала соколу по имени Мелик-Шахин. Куланкир-султан был у него наперсником. И вот сова послала Шурануля к Мелик-Шахину с радостной вестью. Шурануль, пролетев не задерживаясь все стоянки и остановки, явился к царю и, отвесив поклон, протянул ему послание совы. Мелик-Шахин, ознакомившись с содержанием письма, помедлил немного и молвил:

„Неужели надо было прислать тебя“.

И ворон ответил:

„Судьба умных черна как чернила“.

„О, государь, убежище мира,—продолжал ворон,—вы лишены блага разума. Если вы дурны с виду, то будь у вас даже много ума, вы не будете никому нравиться. Суфий глуп, как баран, верное слово для него—ложь. Днем и ночью у него в руках четки, его молитвы—вздорная болтовня. Но внешность его благообразна, ну, а если разума у него нет, ему горя мало. „Берет, считает за девять, дает, считает за тридцать“. Или вот—сеид Азимджан: в делах истины—преграда, к обидам и мучениям он ближе всех, по хитрости и коварству—хуже сатаны, в злодействах сильнее Хамана. Следует его окунуть в воду как наседку, которая не хочет нестись. Он—неблагородный, бесстыдный, речи его—без соли. Летом он холодный, зимой—горячий. И если он пользуется почетом среди людей, то неужели же я глупее его?“.

„Молодец!—воскликнул Мелик-Шахин.—Сознающий свои недостатки—настоящий мужчина“.

А у Мелик-Шахина был сведущий в делах казначей по имени Кардан. Мелик-Шахин приказал ему:

„Приготовь все необходимое для пиршества по случаю свадьбы нашего наперсника Куланкирсултана“.

Тут Кардан-казначей потуже подтянул пояс деятельности и, подумав немного, заявил:

„Лучше всего мне сначала самому отправиться к филину Бай-оглы, встретиться с ним и собственными ушами услышать, какой он хочет калым. Соответственно этому я устрою пиршество: нельзя допускать лишние расходы“.

И он направился к Бай-оглы сам.

Местоительство Кардана отстояло далеко от жилища Бай-оглы. Надо было собрать припасы на дорогу, не упустив ничего, хотя и говорят:

Если скажешь: „Уповаю на аллаха я в нужде“,
То к чему тогда заботы о питье и о еде.

И еще древние говорили: „Идешь на праздничный пир, иди сытым и в лучшей одежде“. Выходя из дому, надо запастись всем необходимым. Еще неизвестно, есть ли в доме у Бай-оглы что-нибудь кроме мышиных костей.

А у Кардана был слуга—кобчик, по имени Турумтай, доставшийся ему в наследство от отца: спутник в пути, помощник в беде. Все его повадки были хороши и все дела его были прекрасны и разумны. Был он быстр в полете, а когда подходил момент сказать слово—себя не обуздывал и прямо в лицо говорил правду. Кардан и Турумтай пошли на базар. Солнце дошло до зенита, и кобчик сказал.

„О господин, что вы исполняете: желание своей

души или приказ султана? Сказано: „Двое возлюбленных в одном сердце не помещаются“. И еще говорили добрые люди: „Кто цепляется за две лодки, тот погибнет в пучине; лишь тот выйдет, выберется из воды, кто хватается за одну лодку“.

Тут Кардан разгневался и воскликнул:

„О скверный невежа, ты видно решил читать своему хозяину наставления! Встарину говорили: „Те ягнята, что умеют сосать, двух маток сосут, а те, что не умеют—и свою не сосут“. Я и свою душу порадую и приказ выполню“...

И кобчик ответил:

„Виноват, господин мой, я ошибся. Есть посьловица: „Пока ртом до еды тянулся, нос в кровь разбил“ — не иначе эго про меня сказано. Разве вы не слышали поговорку, оставшуюся от древних: „Конь, как отощает, уже не аргамак, слуга как оплошает, уже не слуга“.

Потом кобчик подумал и сказал:

„О, хозяин, я, кажется, говорил хуже, чем Ядгар-портной“.

„А причем тут Ядгар-портной? — спросил Кардан.—Расскажи нам о Ядгаре-портном по-лучше, да понятнее“.

И кобчик сказал:

„Среди людей был один человек по имени Ядгар-портной. Иногда он выдавал себя за суфия, иногда—за мудреца своего времени и говорил: „Мне было десять лет, когда Ной строил ковчег.

Я подносил бревна и доски“ И еще он говорил: „Мне было пятнадцать лет, когда проклятый Намруд метнул Ибрахима¹ из осадной машины в огонь. Я держался за ножку этой машины“. А еще он говорил: „Мне было двадцать пять лет, когда строили гробницу властителя знаний, ходжи Ахмеда Ясави, я месил глину и подавал кирпичи“. Если же его друзья и приятели, что сидели возле, говорили: „Эй, Ядгар, говори правду“, он отвечал: „Убей меня бог, если я уклонился от истины“.

„О господин, послушайте еще такие слова, — продолжал кобчик, — если бы вы посмотрели на шубу, сшитую Ядгаром, то увидели бы: швы так расходятся, что проходит палец. Покупатель иной раз возьмет шубу, посмотрит и скажет: „Это что за шитье? — а Ядгар отвечает: „Если кулак в шов не проходит — значит шитье хорошее“. И я понял, что высказывал мысли еще глупее, чем Ядгар, но если даже и так, меня следует простить“.

„Сказано: „Повинную голову и меч не сечет“, — ответил Кардан. — Я прощаю тебе твою вину: теперь мне стало ясно — ты сказал такие слова только потому, что мало путешествовал, а ведь в путешествиях приобретается большой опыт. Ты видно не знаком с книгой о Калиле и Димне. Я расскажу тебе про Игреца и Музыканта“.

---

¹ Намек на легенду о царе Немвроде (Намруде), который будто бы бросил в огонь библейского Авраама (Ибрахима).

„Расскажите, господин“, — сказал кобчик, и Кардан молвил:

„В минувшие дни жили два голубя. Одного звали Игрец, другого — Музыкант. Оба днем и ночью всегда сидели вместе в одном гнезде. Были они задушевными друзьями. Однажды Музыкант взглянул на Игрца и заметил, что он скучает и опечален. „О свет моих очей, о радость моего сердца, — сказал он, — зеркало твоей души потускнело и солнцеподобный лик твой потемнел. Какие испытания ниспослала тебе злая судьба и что с тобой приключилось?“ И Игрец отвечал: „От древних мудрецов осталась поговорка: „Дешевый проезд — соблазняет путешествовать“. Нет у меня ни запасов, ни коня, но возникло у меня в сердце желание перед смертью попутешествовать, ибо попугай души моей уже скоро вылетит из телесной клетки“. „Увы! Не бери незрелый арбуз — дурной замысел, — возразил Музыкант. — Прогони запечатленную в твоём сердце мысль, от которой твое лицо разгорелось как у прекрасной невесты. О дорогой друг, пускаются в путешествие только по двум причинам: либо когда на родине нечем жить, либо вследствие обид и унижений“. Игрец ответил: „От древних мудрецов остались слова:

Благословен, кто в дальний путь идет!
Обходит солнце весь небесный свод.

Нет в мире ничего свежей воды,
Но жди заразы от стоячих вод!

Над небом, которое вечно над головой путника, есть солнце, луна, неподвижные и движущиеся звезды. Земля же всегда покойна и недвижима. Её топчет ногами всякий ничтожный человек. Посмотри ввысь и подумай: каково небо и какова земля? Между высшим и низшим миром, оказывается, большое различие. Если бы деревья не росли спокойно в садах, они бы не знали жестокой пилы и беспощадного топора¹. „Если пересадить дерево на другое место, оно не зазеленеет,“ — возразил Музыкант. Тогда Игрлец сказал: „Рудник рубинов—в Бадахшане, копи сердолика— в Йемене. Ни то, ни другое на месте не ценится. Ничто в своей стране не имеет цены. Рубин добывается в Бадахшане, а сердолик — в Йемене: пока сердолик и рубин не совершат длительного путешествия, они не приобретут ни блеска, ни красоты“¹. Тут Музыкант сказал: „Не слишком стремись к странствованиям. Ведь если над словом „сафар“ („путешествие“) поставить одну единственную точку², то оно будет читаться

---

¹ То есть сердолик и рубин на своей родине остаются неотделанными. Только в чужих землях из сердолика делают печати, а рубин шлифуют и гранят.

² В слове, написанном арабским алфавитом, многие буквы отличаются друг от друга количеством поставленных над ними точек.

„сакар“ („ад“). В путешествии нужен спутник; если будешь путешествовать с хорошим товарищем, обретешь счастье, а если с плохим—обретешь несчастье. Тому доказательства мы находим в истории о черепахе и скорпионе“. „Что же случилось, расскажи?“ — попросил Игрец, и Музыкант молвил: „Я слышал: как-то ползла черепаха из Ирака в Хиджаз. В дороге увязался за ней скорпион. Поневоле черепахе пришлось пойти с ним вместе. Что касается черепахи, то она была необыкновенно умна и проникательна, так как в частых путешествиях приобрела большой опыт. Однако она отдала скорпиону поводья своей воли и продолжала свой путь, пересекая пустыни и минуя стоянки и остановки. И вдруг дорогу путникам пересекла широкая река. Черепаха и скорпион не нашли средства переправиться через неё: дерево размышления не может служить мостом, а камыш ухищрения не годится для постройки плота. Тогда черепаха устремилась к цели своих желаний и стремлений и, покачиваясь, как гусь или утка, поплыла к другому берегу. Случайно она оглянулась назад и увидела, что её спутник, притомившийся в дороге, бегаёт по берегу взад и вперед, держа свой хвост на плече торчком. „О, брат, — спросила его черепаха, — почему вы не переправляетесь на ту сторону?“. И скорпион ответил: „Будь в реке хоть со слезинку воды — и то считай меня утонувшим“. Черепаха подумала про себя: „Могут ли спутники по всякому пустяч-

ному поводу отбрасывать в сторону правила товарищества. Это нехорошо. Лучше мне переправить его на тот берег. Есть же поговорка: „Совершив добро, брось его в воду: вода не узнает, рыба узнает, рыба не узнает, творец узнает“. Словом, черепаха, повернув назад, начала грести своими веслами-лапами и в несколько взмахов подплыла к берегу и сказала: „О брат, я вернулась, чтобы переправить тебя через реку. Садись на меня, но только не ерзай зря, а не то сам себе повредишь“. „Всякий сам отлично знает, в чем для него благо“, — отвечал скорпион и заполз черепахе на спину. Она спустилась в реку и поплыла. Вскоре скорпион начал раскачиваться взад и вперед. „Чего это ты без толку шевелишься?“ — спросила черепаха, — Скорпион ответил: „Сегодня я нашел на реке широкое ристалище. Древние мудрецы говорят: „Осел танцует и в сорок лет“. И вот я решил: поучусь втыкать свое жало в твой кожаный щит“. „Что может сделать моему щиту это твое бессильное жало, похожее на колючку? — воскликнула черепаха. „Разве ты не знаешь, — возразил ее спутник, — что цель скорпиона — наносить удары своим жалом, хоть товарищу в грудь, хоть недругу в спину.

Как у животных, так и у людей
Привычки часто разума сильней.
Знай: скорпион на то и скорпион,
Что даже камни станет жалить он“.

Тут черепаха молвила: „От праведников осталась пословица: „Не доверяй другу—он набьет тебе шкуру соломой“. О друг мой, доколе буду я плавать по воде, словно щепка? Надо полюбоваться на жемчужины на дне глубокого потока“. Сказав это, она нырнула, подобно тому как это делают водолазы, и начала собирать жемчужины, а скорпион захлебнулся и утонул.

Кардан и Кобчик, приготовив припасы для путешествия, пустились в дорогу. Оставив позади многие стоянки и остановки, они достигли города Кайкобада и, войдя в жилище филина Бай-оглы, сели там. Узнав об их прибытии, Бай-оглы вышел гостям навстречу и сказал им:

„На голове и на глазах! Добро пожаловать!“

Он помог им стряхнуть с одежды дорожную пыль, постлал в комнате ковры, зажег светильники и, усадив гостей, начал разводить огонь в очаге. К этому времени хорошая погода прошла и наступила зима с ее стужей. Сколько Бай-оглы ни дул на угли, но от сильного холода огонь не разгорался.

„Посмотрите, как я стал стар,—заметил Бай-оглы.—У меня нехватает дыхания, и я не могу разжечь огонь!“

И Кардан сказал.

„Я слышал пословицу“: Неумелому шейху во всякой ханаке тесно“. Разве вы не знаете, что от мудрых осталась еще поговорка: „У мастера в руках и снег горит, а у неумелого и сухое дерево не

горит“. Вы огонь разжечь не умеете, как же вы с нами дело поведете?¹“.

„У таджиков есть поговорка,—отвечал Бай-оглы: „С достойным человеком дело иметь легко“.

После этого Бай-оглы, выполняя правила гостеприимства, приготовил все нужное для пира, собрал певцов и музыкантов с их инструментами: рудом, лютней, бубном, наем, барабаном, кануном и гиджаком. Музыканты протянули руки к инструментам, чтобы их настроить.

Двое начали колотить по барабану словно раис, обрушившийся своей палкой на нерадивого к молитве, а другие два принялись бить в бубны, как лупят по спине вора. Словом, они возносили звуки музыки до неба. Тут Кардан посмотрел на Бай-оглы и сказал:

„Мы с вами будем петь¹ за завесой и не станем говорить без занавеса“.

„Правильно сказано!—отвечал Бай-оглы,— вот слова древних мудрецов: „Говори слово понимающему, тому, кто принимает душой к душе“. Приятные речи—приятно слушать. Но также сказано:

„Если в слове нету жизни, словом не зови его. А коль так, о собеседник, что нам проку от него?“.

И Кардан молвил:

„Я, ничтожный— один из прислужников Мелик-

---

¹ То есть беседовать.

Шахина. Нам стало известно, что вы выдаете Гунаш-бану за сына Япалак-биби, Куланкир-султана. Я пришел услышать своими ушами, какой вы хотите калым, чтобы не расхотовать добро зря. Что же вы теперь прикажете?».

„У древних мудрецов была поговорка: „То, что из-за пазухи выскользнет, в голенище попадет“.¹ И среди наших родичей достойная личность найдется. Сын Япалак-биби нам в зятя не нужен. С какой стати я отдам дочь за твоего сукина сына? — ответил Бай-оглы.

И Кардан воскликнул:

„Девушка ценится, когда ее хочет муж“, и еще есть пословица: „Отдай девушку за того, кто ее любит“. От древних мудрецов осталась поговорка: „Чем девушку беречь, лучше соль побереги“.

„Золото ценят там, где оно добывается,“ — возразил Бай-оглы, и еще сказано: „Колючий кустарник живет в своем месте“.

„Ты не можешь поступать так, как делали древние, — возразил Кардан... — Цени теперь то, что есть у тебя сейчас. Есть пословица: „Трехуха сегодня лучше, чем курдюк завтра“. Ты вот сейчас назвал Япалак-биби сукой. От древних мудрецов осталась поговорка: „Кто хочет подладиться к хозяину, бросает кость его собаке“.

---

¹ То есть не пропадет, не уйдет из рук.

Такие твои речи похожи на слова Ашура-мясника, который нашел на дороге зеркало и, увидев в нем отражение своего уродливого лица, с размаху ударил зеркало об землю и, обвинив его во всевозможных недостатках, воскликнул: „Хороший товар на земле бы не валялся“. Твое ничтожество от безобразия, а безобразие—от дурной породы. Не будь око твоего разума тусклым и зеркало твоего сердца—мутным, ты бы сначала посмотрел на свои собственные пороки и стал бы скрывать пороки других, и было бы хорошо“.

„Ты что—мне наставления читать пришел!—воскликнул Бай-оглы. Твои наставления входят в одно мое ухо и выходят в другое, как ветер“.

„Да, наставления, видно, не держатся у тебя в голове“—сказал Кардан.

„Не понимаешь ты разве,—сказал Бай-оглы,—что „тот, кто говорит без понятия, умрет не болея; тот, кто ест не жуя, так и уйдет, не прожевав“.

При таких словах в сердце Кардана-казначея вспыхнуло пламя гнева, и когда огонь упал на камышевые заросли его существа, дым поднялся к небу. Наводнение пота стыда, снег и дождь последних дней зимы сделали его беспомощным и смятенным. Он сказал:

„О лишенный лицезрения красоты солнца, о изгнанный из племени птиц, от праведников осталась пословица: „Добрые, когда говорят, ласкают, злые, когда говорят, кусают“. Я слышал, что те-

бя называют Бай-оглы, но слышать—не то, что видеть. Ведь я гость! Так ли надо меня встречать?”.

„Моя вина, — сказал Бай-оглы, — извини меня. Говорят: „Что собака делает, того коршун не делает“. Теперь я понял, что я, кажется, говорил глупее верблюда“.

Расскажи, как это было—попросил Кардан, и Бай-оглы рассказал:

„Однажды лисица бежала по дороге. Была зима. С неба шло невероятно много снега и дождя, так что было очень грязно. Один верблюд упал в грязь и вывалял в ней свои бока, каждый волосок у него был измазан. А этот верблюд обманул своего хозяина и сбежал от него; теперь он бродил в поисках солончаков и верблюжьей колючки. В то самое время его и встретила лисица. Они приветствовали друг друга, и лисица спросила верблюда, как его здоровье, и сказала: „О большой брат мой, да не утомитесь вы! Откуда вы идете?“. „Я вышел только что из бани“, — отвечал верблюд. „Прекрасно! Вы верно говорите! Вы весь, с головы до ног, свеженький, чистенький, блестящий. Я посмотрела на ваши ноги и увидела, что вы сами поливали в бане водой ноги и голову. Наверное, банщик помер и вы нашли баню пустой“. И еще рассказывают, что в саду Мухаммеда Халикбая был глупый садовник по имени Сафарбай. У него в саду было пятнадцать молодых, свежих урюковых деревьев. Садовник

обрубил и выбросил ветки со сладким урюком и на их место привил ветки урюка с горькой косточкой. И при таком разуме и сообразительности он считал себя умнее всех садовников“

Затем Кардан сказал:

„Дай же ответ, решающий дело!“.

И Бай-оглы ответил:

„У меня тоже есть родичи. Я посоветуюсь с ними и дам ответ“.

„Хорошо,—отвечал Кардан,—советуйся со своими глупыми родственниками, похожими на двух кокандцев, Фаджа и Каджа, но только не бросай нас потом посреди пути“.

„А что это за Кадж и Фадж? Расскажи,—попросил Бай-оглы, и Кардан сказал:

Порой за муллу выдает себя этот кривой,
Порой заявляет, что он, мол, безгрешный святой.

То сборщиком податей явится вдруг этот вор,
А то дурачком—и лопочет бессмысленный вздор.

А кто он взаправду кривой этот плут—не
поймешь!
Друзья его лучшие—хитрость, коварство и ложь.

Приличий незнающим хамом прикинется вдруг,
Притащится в гости и требует разных услуг.

„Эй, плов мне вари, эй, вели принести мне чилим!“
Видать не напрасно зовется он „Каджем“—кривым.

Подстать ему „Фадж“. Он поистине „фадж“ —
дуралей.
В Коканде их знают как двух закадычных друзей.

Тот Фадж хоть слепой, но умеет как зрячий
шагать.
И ночью и днем так и рыщет он где бы урвать.

От дурня и плута Коканду прямая беда.
Всё криво от Каджа, всё дурно от Фаджа всегда“.

Тут Бай-оглы молвил:

„Был еще такой Мухаммед Амин-Ходжа, муфтий, подобный тем, о ком вы рассказываете. Он в любом деле постоянно давал советы еще более глупым, беспонятным и бестолковым людям, чем он сам. Какую книгу он ни переписывал — хоть персидскую, хоть арабскую, в ней он делал множество ошибок и описок, но при всех свойственных ему недостатках он считал себя умнее всякого мудреца“...

„Опиши мне качества муфтия Мухаммеда Амин-Ходжа“ — попросил Кардан.

И Бай-оглы сказал:

„Имя было у невежды Мухаммед-Ходжа-Муфти. Он имел красивый очень почерк — лучше не найти! Из кызыл-башей был родом, по наружности урод: Если книгу перепишет, всё, что в тексте, перевернёт,

Как чернильницу носил он ржавый бронзовый кумган.
Говоря „Удобно очень“ клал кумган себе в карман.
Для карандашей имел он сундучок от веретён.
Глуп, чванлив, высокомерен... Вот каким всегда был он!“

Затем Бай-оглы добавил: „У меня есть родичи, опытные в делах, и я с ними посоветуюсь“.

„Ладно, пусть будут родичи,— ответил Кардан,— лишь бы не было с ними больших и малых мешков. Опытные люди говорят: „Если родичи намерены придти — пусть приходят, лишь бы с ними маленький мешок был“.

„Глина—не фарфор, чужой—не родной,—сказал Бай-оглы,— порывать родственные связи — не годится“.

„Верно говоришь,—подтвердил Кардан,— бывалые люди сказали: „Родич—мой котел“. Эй, Бай-оглы, теперь „по одежке протягивай ножки“. Ты требуешь калым в „тысячу развалин“. Но не уподобляйся безрогой козе, которая искала рогов и потеряла ухо, или бесхвостому ослёнку, который ходил по дорогам в поисках хвоста и лишился обоих ушей“.

„Расскажи, как это было“, — попросил Бай-оглы.
И Кардан сказал:

„Был один ослёнок—не имел хвоста.
Без хвоста, конечно, что за красота!“

Думает бедняжка: „Странствовать пойду,—
Где-нибудь, быть может, хвостик я найду“.

Вот забрел он в поле—потсгал посеv.
Увидал дехканин—впал в жестокий гнев,

Подбежал к ослёнку—ножницами вмиг
Оба длинных уха начисто остриг.

О хвосте бедняжка-ослик так мечтал,
Но бесхвост остался и безухим стал!

Не рассчитывай даже на одну развалину: зу-
бы поломаешь. Не переходи границ вежливости,
а сделай так, как требует обычай—и отошли нас
по добру, по-хорошему назад. Есть поговорка:
„Девушке-сиротке к чему нужен веер?“. Ты те-
перь, сидя в развалинах Кайкобада, вообразил се-
бя самим царем Кайкобадом¹ и даже не смотришь
на нас“...

Тут Бай-оглы молвил:

„Мы сказали друг другу за завесой много слов
без завесы², но вся музыка пропала даром. Будем
пировать, а после пира вы мне скажете все, ка-
кие у вас есть хорошие слова, а я вас послушаю“.

Кобчики-кравчие стали подносить чаши с ви-
ном. Опьянение побежало по жилам Кардана и

---

¹ То есть большим человеком

² То есть резких, обидных.

Бай-оглы, словно вода, устремляющаяся по виноградным лозам. Песни певцов начали оказывать свое действие.

Через некоторое время пир окончился. Певцы радовались полученному вознаграждению. Порядок нарушился, собрание расстроилось. У птиц-гостей устали ноги и все высунули лапы из-под халатов и головы из воротников, чтобы отдохнуть.

Тут Кардан сказал:

„О Бай-оглы, принимай наши слова, мы уходим. А не то придет сын и одолеет тебя в споре. След осла на мерзлой земле не виден, а в грязи виден“.

„Со знакомым врагом драться хорошо“, — отвечал Бай-оглы.

„Когда враг ушел, не руби мечом землю“ — возразил Кардан.

А кобчик, приближенный Кардана, обиделся на Бай-оглы за его высокомерие и повторил ему хорошую поговорку, которую сова сказала когда-то сычу: „Если у плохонького коня отрастает грива, он не дает привязать подле себя другого коня; если плохой человек разбогатеет, он и соседа не посадит кушать с собой рядом“.

Когда кобчик сказал эти слова, Кардан добавил:

„Горячая душа без жара не бывает“. Эй, Бай-оглы, проводи твою дочь в гнездо, пока она чиста, ведь сказал эмир Навои:

„Если дочка ежедневно спорит с матерью своей, Значит кто-то посторонний стал сердечным другом ей.“

Значит ей семья другая в доме жениха нужна. А иначе для чего же спорить стала бы она?».

Тут Бай-оглы рассердился и закричал: «Ты, кажется, говоришь, что у моей дочери есть другой поверенный тайн. Поистине: „Хороший человек, когда говорит, — ласкает, дурной человек, когда говорит, — кусает“. Что это ты хотел сказать?».

«Удивительный ты простофиля, — сказал Кардан. — Речи твои похожи на слова невежи амина Атабая, который купил на базаре башмаки для своей жены и, показав их незнакомому мяснику, спросил: — „По ноге ли эти башмаки моей жене?“ И мясник ответил: — „Я не видел ногу твоей жены. Ты поистине дурак“. Я просто привел к слову древнюю поговорку. Мне повадки твоей дочери неизвестны. Есть пословица: „Какой у осла нрав, знает только сам хозяин“.

«Ты говоришь: „Посоветуйся со своими тремя дураками вроде упомянутых выше Нияза — агалыка, Бабаджана и Мухаммеда Амина муфтия, но не бросай меня посреди дороги“, — сказал Бай-оглы. А ведь мой прадед вел спор с самим пророком Сулейманом».

«Не хвались своими предками, — возразил Кардан. Есть поговорки: „Чего отца спрашивать, когда сам мужем стал“, — „Кто спрашивает дорогу, сев на коня, — не мужчина“. Разве у тебя своего ума нехватает?».

И, потеряв всякую надежду, Кардан направил стопы к гнезду сыча.

Увидев сыча, он жалобно сказал:

„Кто послушается слов слепого, испытает оскорбления, которые мы испытали, и перенесет тяготы, которые мы перенесли“.

Тут сыч заметил:

Нет розы без шипов, искусства—без труда,
Нет радостей без боли никогда.

А есть и еще пословица: „Приспееет человеку дело—в сапогах через реку пойдет, одолеет коня жажда—с уздой во рту пить станет“. Что же, закончил ты дела?

„Он потребовал с нас высокую цену,—сказал Кардан,—и мы оказались слабы“.

„Что же ответил Бай-оглы?“—спросил сыч.

Кардан молвил:

„Бай-оглы говорит: „Если будет тысяча распсанных до самого свода развалин, на которые еще не падала тень крыльев совы—я согласен. А будет хоть на одну развалину меньше—не согласен“. Он сказал: „До свода!“ я сказал: „До трубы“—и удалился“.

„Ты носишь имя Кардан—то есть „знающий дело“, и ты должен был действовать с толком, сказал сыч.—А ты, оказывается, совсем дела не знаешь. Надо было назвать тебя не „Кардан“, а наоборот. В Мавераннахре, где живет эмир Омар-

хан, много городов: Ургут, Рабат, Хайрабад и другие; от зависти к ним город Кайкобад стал на путь гибели. А вот когда я посетил бухарские края, я в каждом тумане нашел тысячу развалин. Там разом можно было бы завершить наше дело. Со своим „знанием дела“ ты оказался похож на гончара, что пьет воду из кринки для масла, или ткача, не имеющего поясного платка, чтобы подпоясаться“.

„И в стане врагов есть друзья, и через овраг есть дорога,—сказал Кардан. Есть же пословицы: „Со сватом, что с рабом—один разговор“, „Сватом стал—чужим стал“. Мы теперь ничего не стоим“.

И сыч молвил:

„Есть поговорка: „Тысячу ворон одним камешком вспугнешь“. Ты уподобился Хафизу Ишанкелле, который уронил свою любимую тюбетейку в быстрый ручей и, как ни старался, не мог ее поймать. Лишив шись тюбетейки, он изрек: „Хорошо, что она пропала: голове было в ней жарко“, а сам в душе горевал. Брось говорить так, как кошка, которая не могла достать сало, повешенное на крюке, и сказала: „Фу, воняет“.

Сыч сказал:

„Не всякий умеет принимать участие в козлодрании или лизать пыль в медреде. Посмотрите, как я покончу дело“.

И он отправился в город Кайкобад и вошел в дом Бай-оглы.

Увидев Бай-оглы, сын тотчас же схватил его за горло, следуя пословице: „Если слепой схватил кого-нибудь, то из рук не выпустит“, поставил его на колени и воскликнул: „Если не здороваешься—не уважаешь своего отца“.

„Тот, кто упал—не насытится борьбой“,—ответил Бай-оглы. „Если есть жених, найдется и невеста; если есть уши—найдется что слушать“. Тебе спрашивать, мне—слушать“.

„У тебя уши, как у муллы Сиддика-писца,—слов не слышат,“—сказал сын.

Бай-оглы возразил: „А у тебя глаза, как у муллы Аскара—доброго друга не узнают. Не слышал ты разве поговорку: „Что суждено, то увидишь, своими глазами“, и еще говорят: „Если на доброе дело зовешь—звать не уставай“. А у тебя глаз нет, и если случится трудное дело, тебе не хочется трудиться“.

„Внутренние глаза нужнее,“—сказал сын,—я не за тем к тебе пришел, чтобы всякий вздор болтать. Откажись от четырехсот развалин, а на шестьсот согласишься“.

„Я назначил тысячу развалин, с чего же я стану отказываться от четырехсот?“—ответил Бай-оглы.

Тут сын увидел, что Бай-оглы жаден, как бакалейщик Абдурахим-ростовщик, и если хоть одной развалиной меньше будет, он тридцать зубов себе ломает,—и сказал:

„Коли так, готовь что нужно для свадьбы. Пош-

ли гонцов за всеми, кто способен летать, начиная от мухи и кончая птицей анка—пусть все соберутся, я заплачу калым при них“.

Бай-оглы приготовил великолепное и пышное угощение и собрались все птицы. Анка, хума, орел, сокол, кречет, коршун—сели с одной стороны; лебедь, дрофа, аист, гусь, утка, ангыт, пустельга, сурна, широконоскa—с другой. Птицы, что помельче: куропатка, перепел, голубь, горlinka, ласточка, воробей и другие сели поодаль, на положении слуг жениха—Куланкир-султана. Сыч, как уполномоченный со стороны жениха, ворона и галка, как свидетели, и Куйгун, как уполномоченный со стороны невесты, сели на свои места. Соловей начал ясным, сладконапевным голосом читать брачный договор. Сыч посмотрел на Куйгуна и молвил: „Скажи, каков калым за дочь?“.

„В простом народе говорят: „Откуда большой корабль плывет, оттуда и маленький плывет,—сказал Куйгун“,—Вам ясно и известно, что калым за ее тетку был—тысяча развалин, калым за нее—тоже тысяча развалин“.

Тут сыч сказал:

„Мы уже докладывали, что в Ферганском царстве развалин не найти. Но если хочешь получить развалины из Мавераннахра, то я тебе дам сколько ни попросишь“.

„Ты, видно, не слышал поговорки: „Пусть хоть козел будет, лишь бы молоко давал“,—сказал Куйгун.

„Ладно, идет,—молвил сын,—и сказал, понизив голос:—о присутствующие, внимайте! Я даю калым: Ургут, Янги - Рабат, Иски - Сабат, Пешагир, Могол, Чакан, Фирюза, Нишапур, Шахристан, Сарай, Хильян, Итарчи, Чун, Мангыт, Кенегес, Янги-арык, Ганчи, Газан, Дарак, Хожда, Тахир, Наджидин, Кизыл-Курган, Бек-Абад, Хайрабад. Ну что—достаточный калым за Гунаш-бану?“.

Птицы дивились тому, как сын дает калым и как Куйгун берет его, и говорили одна другой: „Смотри как ест хлеб тот, который даже не натрудил поясницу“. А Куйгун тотчас встал и молвил:

„Слава вашему благородству! Нам ничего не остается сказать. Птицы, что присутствуют здесь, оценили и одобрили ваш калым. Но только Хайрабад нам не подходит“.

„По какой причине?“,—спросил сын и Куйгун молвил:

„Он близко к реке, а род Бай-оглы боится воды. Дайте вместо него Муг“.

„Хорошо,—сказал сын,—не спешите. О Муге разное говорят. Как ташкентец Мухаммед-Ходжа хаджи, о котором мы говорили, жители Муга сбились с правильного пути и одобряют обычаи и дела скупых. Скоро уже придет к ним горе—еще на один только поход им сил хватит. Ручаюсь, что к поздней осени я смогу дать тебе Муг“.¹

---

¹ То есть город Муг выдержит еще только один поход и к осени превратится в развалины.

Тут Куйгун посмотрел на соловья и сделал знак: „Читай договор“,—и соловей прочитал договор.

А потом курицы — подружки отвели Гунашбану к Куланкир-султану и оба они достигли желаемого.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- Абдукарим—„раб великодушного“ (т. е. аллаха)—обычное имя для козла у узбеков.
- Автобачи—придворный чин.
- Амин—сборщик налогов.
- Анка—баснословная птица, якобы живущая на краю света и никогда не показывающаяся людям.
- Ангыт—лысуха.
- Арман—кустарник с негнушимися и хрупкими ветвями.
- Ахмед Ясави—поэт-мистик, мечеть на его могиле была построена в XIV веке.
- Айим—госпожа.
- Бай-оглы—филин.
- „Златая цепь“—поэма Джами.
- Кадж—кривой.
- Кайкобад—мифический царь Ирана.
- Каламдан—пенал.
- „Калила и Димна“—распространенный на Ближнем и Среднем Востоке сборник басен.
- Каунун—музыкальный инструмент.
- Карнай—большая длинная медная музыкальная труба.
- Карнайчи—музыкант, играющий на карнае.
- Кукнарист—наркоман, употребляющий кукнар (настой из головок опийного мака).
- Меджнун—герой популярного сказания о Лейли и Меджнуне, образ одержимого любовью.

- Медресе—высшая мусульманская духовная школа.
Муфтий—законовед, знаток законов шарията.
Нард—цветок.
Наккар—небольшой барабан.
Намруд и Ибрахим—герои легенды о царе Немвроде, который бросил в огонь библейского Авраама.
Нух—Ной.
Раис—официальный блюститель нравов.
Сакар—ад.
Сафар—путешествие.
Сеид—духовное лицо.
Суфий—человек, исповедующий мистическое учение суфизма.
Таммуз—июль.
Тандыр—печь для печения лепешек.
Той—празднество, свадебный пир.
Фарсах—расстояние около 6 км.
Фархад—имя легендарного каменотеса, главного героя поэмы «Фархад и Ширин».
Фадж—тупой.
Ханака—обитель дервишей.
Хума—баснословная птица, которая, пролетая над головой человека, будто бы приносит ему счастье.
Шейх—так назывались главы дервишских орденов, игравших роль духовных наставников.
Ширин—героиня восточных сказаний и поэм, возлюбленная Фархада.
Ягач—расстояние около 6 км.

СОДЕРЖАНИЕ

Гульхани	7
Рассказы о сове	23
Пояснительный словарь	69

Ответственный редактор М. И. Ш е в е р д и н
Художник А. К. О ш е й к о
Техн. редактор А. Т. Ш е п е л ь к о в

* * *

P07443. Подписано к печати 21/III-51 г.
Бумага $70 \times 108^{1/2}_{32}$ = 1,125 бумажных
3,083 печатных листа. Уч.-издат. 3,15
Тираж 5000. Цена 2 руб. 50 к.
Переплет 1 руб. 50 коп.

* *

Типография Издательства Академии Наук. УзССР
Заказ № 1177 Ташкент, 1951 г.

*